

Оригинальная статья
УДК 316.346.32-053.9
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-6-40-60>

Самоорганизация старших как системообразующий фактор активного долголетия

*Дарья Павловна Козачок¹, Марина Валерьевна Корнилова²✉,
Владимир Николаевич Каменских³*

¹Центр московского долголетия «Академический», Москва, Россия

²Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

³Российский государственный социальный университет, Москва, Россия

¹coza4ok@yandex.ru

²✉mmrr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9989-6884>

³kamenskix@gmail.ru

Введение. Актуальность исследования определяется значимостью процесса самоорганизации в старшем возрасте для поддержания активности, формирования солидарности, сплоченности и сообщества пожилых. Под старшими, согласно действующему законодательству РФ, авторы подразумевают людей в возрасте 55 и более лет. Наглядно показывается, что для данной категории создаются возможности по самоорганизации на городском уровне.

Методология и источники. Авторы опираются на результаты опроса лидеров самоорганизованных клубов Центров московского долголетия (выборка: 203 человека, возраст опрошенных: от 55 до 88 лет, дата проведения: январь 2024 г.). Цель исследования заключается в изучении способности представителей старшего поколения самостоятельно организовывать свободное время, выстраивать новые внешние и внутренние социальные связи в самостоятельно организованной гомогенной социальной системе активного долголетия, базирующейся на индивидуальной мотивации. Гипотеза исследования – экосистема «Московское долголетие» представляет собой систему, основанную на самоорганизации пожилых.

Результаты и обсуждение. Разветвленная сеть государственных учреждений – Центров московского долголетия (ЦМД) располагает всеми условиями для удовлетворения самых разных потребностей людей старшего возраста в досуге и отдыхе. Новизна исследуемого подхода к самоорганизации пожилых состоит в возможности ее трактовки как способа конструирования новой социальной реальности/активности людей старшего возраста, где помощь государства предполагает отказ от иждивенческого сценария («приходи и бери, что есть»), предоставляя возможности для индивидуальных паттернов развития («приходи и создавай сам, как тебе нравится»). В качестве такой социальной реальности рассмотрены особенности самоорганизации пожилых на примере экосистемы «Московское долголетие».

Заключение. Показывается лидерский потенциал старших, накопленный в течение жизни, и готовность организовывать свой досуг самостоятельно на базе Центров московского долголетия, раскрывается специфика самоорганизации пожилых в системе

© Козачок Д. П., Корнилова М. В., Каменских В. Н., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

активного долголетия г. Москвы. Сделан важный вывод о желании опрошенных быть активными, показана результативность и заинтересованность старших в самоорганизации на базе ЦМД.

Ключевые слова: самоорганизация, социальная система, активное долголетие, старшее поколение, пожилые москвичи, лидер

Для цитирования: Козачок Д. П., Корнилова М. В., Каменских В. Н. Самоорганизация старших как системообразующий фактор активного долголетия // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 6. С. 40–60. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-6-40-60.

Original paper

Self-Organization of Senior as a System-Forming Factor of Active Longevity

Daria P. Kozachok¹, Marina V. Kornilova²✉, Vladimir N. Kamenskih³

¹Center of Moscow Longevity "Academic", Moscow, Russia

²Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

³Russian State Social University, Moscow, Russia

¹coza4ok@yandex.ru

²✉mmrr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9989-6884>

³kamenskix@gmail.ru

Introduction. The relevance of the study is determined by the importance of the process of self-organization in older age for maintaining activity, forming belonging, cohesion and community among the elderly. By older people, according to the current legislation of the Russian Federation, the authors mean people aged 55 and older. It clearly shows that opportunities for self-organization at the city level are being created for this group.

Methodology and sources. The authors rely on the results of a survey of leaders of self-organized clubs of the Moscow Longevity Centers (sampling of 203 people, age of respondents from 55 to 88 years, date: January 2024). The purpose of the research is to study the ability of representatives of the older generation to independently organize free time, build new external and internal social connections in an independently organized homogeneous social system of active longevity, based on individual motivation. The research hypothesis is that "Moscow Longevity" is a system based on the self-organization of the elderly.

Results and discussion. An extensive network of government institutions – Centers of Moscow Longevity (CML) – has all the conditions to satisfy the most diverse needs of older people in leisure and recreation. The novelty of the studied approach to self-organization of the elderly lies in the possibility of its interpretation as a way of constructing a new social reality/activity of older people, where state assistance involves abandoning the dependent scenario ("come and take what you can take"), providing opportunities for individual development patterns ("come and create it yourself as you like"). As such a social reality, the features of self-organization of the elderly are considered using the example of the "Moscow Longevity" ecosystem.

Conclusion. The leadership potential of elders, accumulated throughout life, and the willingness to organize their leisure time independently on the basis of the Moscow Longevity Centers are shown, and the specifics of self-organization of the elderly in the active longevity system of Moscow are revealed. There was made an important conclusion about the desire of the respondents to be active, and the effectiveness and interest of seniors in self-organization on the basis of the CML was shown.

Keywords: self-organization, social system, active longevity, older generation, elderly Muscovites, leader

For citation: Kozachok, D.P., Kornilova, M.V. and Kamenskih, V.N. (2024), "Self-Organization of Senior as a System-Forming Factor of Active Longevity", *DISCOURSE*, vol. 10, no. 6, pp. 40–60. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-6-40-60 (Russia).

Введение. История понятия «самоорганизация» начинается в 1947 г. с научной публикации «Principles of the Self-Organizing Dynamic System» британского кибернетика Уильяма Эшби (W. Ashby), в которой упоминается словосочетание «самоорганизующаяся система» [1]. Позднее данный термин стал использоваться и подвергаться анализу в других областях науки, в том числе и в социологии.

Самоорганизация – это самодостаточное явление в общественной жизни, которое способно проявляться в поведении индивидов, в самых разных социальных и возрастных группах или институтах. В табл. 1 представлена авторская группировка вариаций определения термина «самоорганизация» у российских исследователей.

Таблица 1. Подходы к определению термина «самоорганизация»
Table 1. Approaches to the definition of the term "self-organization"

№ п/п	Определение	Автор
1-я группа		
1	«Самоорганизация – это управление человеком собственной деятельностью , организацией выполнения задач и распределением всех ресурсов» [2, с. 62]	Осинцева Л. М.
2	«...она является основой, на базе которой может быть сформировано умение организовывать других людей , управлять ими» [3, с. 98]	Бронникова Е. М.
3	«Склонность человека к самоорганизации следует рассматривать в качестве важной составляющей его личностного потенциала, который является системной характеристикой, включающей способность противостоять нежелательным изменениям (устойчивость) и одновременно инициировать и осуществлять желательные (гибкость) » [4, с. 163]	Богомаз С. А.
4	«Самоорганизация – это система активных начинаний , инициированных субъектами (индивидуальными или коллективными) в целях оптимизации параметров своего повседневного существования во вверенной их заботам жизненной среде» [5, с. 358]	Виноградский В. Г., Виноградская О. Я.
5	«Все большую роль в обществе играет самоорганизация, инициатива снизу, возникновение неформальных структур, сетевых сообществ, установление горизонтальных связей . Соответственно, в науке растет роль теории самоорганизации или синергетики» [6, с. 4]	Ахромеева Т. С., Малинецкий Г. Г., Посашков С. А.
2-я группа		
6	«Социальная самоорганизация есть продукт социального взаимодействия в личностном, коллективном или групповом масштабах» [7, с. 215]	Иванова Т. С.
7	«Самоорганизация – это явление по совпадению изначальной цели с одной из возможных форм ее реализации, а приставка само- в слове "самоорганизация" указывает на целевой характер процесса» [8, с. 38]	Леонов А. В., Пронин А. Ю.
8	«Саморегуляция и самоорганизация ... они отражают процесс реализации молодыми людьми своей социальной субъектности , что значимо не только для обретения устойчивого социального положения, но и для подтверждения их самостоятельности и независимости» [9, с. 6]	Зубок Ю. А.
9	«... способ объединения людей в малые или большие группы с целью проведения совместного досуга, ведения деятельности, основанной на общих целях и интересах» [10, с. 30]	Маюрова А. А., Лавренова Т. И.
10	«Практики самоорганизации и расширения возможностей старшего поколения в условиях рисков COVID-19 вызывают научный и практический интерес, с одной стороны, как формы солидаризации и активизации гражданского общества в период социальных кризисов , с другой стороны, как примеры активизации и реализации потенциала людей старшего возраста » [11, с. 90]	Киенко Т. С., Певная М. В., Птицына Н. А.

*Составлена авторами.

Определения понятия «самоорганизация», перечисленные в табл. 1, указывают на его многогранность. Авторы рассматривают данное явление с разных ракурсов и для различных социальных групп. Первый блок исследователей (Л. М. Осинцева, Е. М. Бронникова, С. А. Богомаз, В. Г. Виноградский, О. Я. Виноградская, Т. С. Ахромеева, Г. Г. Малинецкий, С. А. Посашков) видят «самоорганизацию» как объект исследования, тем самым изучая ее основные свойства, признаки и формы проявления в различных разрезах социальных отношений. В предложенных формулировках можно вычленить схожее содержание важной составляющей части самоорганизации, которая определяет ее сущность как способность индивида, социальной группы или общества к самостоятельному действию («управление человеком собственной деятельностью», «система активных начинаний, инициированных субъектами», «инициировать и осуществлять желательные изменения») при достижении определенной цели.

Второй блок исследователей (Т. С. Иванова, А. В. Леонов, А. Ю. Пронин, Ю. А. Зубок, А. А. Маюрова, Т. И. Лавренова, Т. С. Киенко, М. В. Певная, Н. А. Птицына) рассматривают самоорганизацию в качестве предмета исследования, изучая ее влияние на общественную или личную жизнь индивида как инструмента. В данном случае при анализе определений выделяется еще одно важное свойство самоорганизации – это ее протяженность во времени, которую можно отождествить с процессом.

Таким образом, самоорганизация выступает как инициированная деятельность индивида, социальной группы, социального института в процессе достижения определенной цели.

И в первом, и во втором случаях самоорганизация рассматривается в качестве самостоятельной единицы исследований, что свидетельствует о ее самодостаточности. В связи с этим самоорганизация может стать ключевым фактором при формировании автономной системы, элементами которой являются индивиды, совершающие действия для достижения цели.

С точки зрения системного подхода самоорганизация рассматривается в контексте социально-политических движений как процесс по развитию системы практик и коммуникаций между обществом и государством [12], изучаются концепции и методы самоорганизации динамических систем [13], анализируется связь между понятием «система» и социального вообще, а также процессов, которые описываются с помощью приставки «сам»: «самоорганизация», «самоподдержание», «самореференция» и «самопроизводство» [14]. В основе этих вопросов лежит проблема понимания жизни и, следовательно, функционирования живых систем.

В процессе самостоятельной деятельностной активности каждого элемента образуются внутренние и внешние связи, выстраивается алгоритм совместного взаимодействия, формируется полноценная самостоятельная система. Каждой системе свойственна структура, которая состоит из определенного набора элементов, связанных между собой. В соответствии с теорией системного подхода Талкотта Парсонса основополагающими элементами любой социальной системы являются индивиды, наделенные стремлением действовать. Это тот биологический базис, без которого не способна существовать ни одна социальная система. Однако структура системы определяется им как устойчивые взаимосвязи между элементами, то самое «ядро», которое образовывается в результате ряда определенных действий индивида [15].

В центр системы Т. Парсонс ставит субъекта действия, поведение которого обусловлено его конкретной мотивацией, именно мотивация побуждает индивида к принятию решения о намерении действовать. Можно предположить, что самоорганизация зарождается на этапе формирования индивидуального мотива человека, который подталкивает его к самостоятельному действию, вследствие чего самоорганизация собственных действий становится основой образования системы.

В процессе реализации конкретного вида деятельности для удовлетворения собственных потребностей субъект действия начинает взаимодействовать с иными объектами действия, выстраиваются социальные связи, формируется тот самый алгоритм взаимодействия элементов, который упоминался ранее. В ходе развития системы вводятся новые параметры в виде сторонних ожиданий, влияющих на выбор индивида в совершении того или иного действия. Таким образом, выстраивается система общих ценностей, правил и норм, в соответствии с которыми она функционирует и развивается.

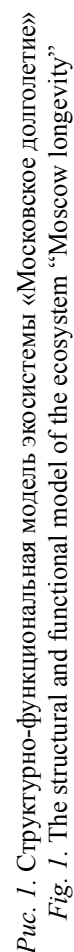
Научная новизна исследования состоит в изучении самоорганизации как феномена, который лежит в основе возникновения и функционирования полноценной автономной системы (активного долголетия), классифицированной по возрастному признаку (совокупность представителей старшего возраста: 55 лет и старше) и по критерию активности (реальной досуговой деятельности в рамках Центров московского долголетия).

Структура самоорганизации в Центрах московского долголетия. Типологизация с примерами практик социальной активности и самоорганизации представлены в совместной работе Т. С. Киенко, М. В. Певной, Н. А. Птицыной. Исследователи выделяют 5 основных типов: 1) «авторские, творческие инициативы»; 2) «сетевые практики общественных организаций»; 3) «локальные практики, инициированные местными сообществами»; 4) «типовые практики, реализуемые учреждениями социального обслуживания населения, культуры, досуга, спорта»; 5) «гибридные формы партнерства государственного, частного и некоммерческого секторов, складывающиеся на основе интеграции усилий и ресурсов субъектов» [10]. Они отличаются по масштабу, целям, содержанию.

В данном исследовании самоорганизация представляет собой совокупность 1-го и 4-го типов, т. е. реализация стандартизированных и авторских инициатив на базе социальных учреждений – Центров московского долголетия. Цель исследования заключается в изучении способности представителей старшего поколения самостоятельно организовывать свободное время, выстраивать новые внешние и внутренние социальные связи в самостоятельно организованной гомогенной социальной системе, базирующейся на индивидуальной мотивации, но при этом объединенной общей целью в достижении статуса активного долголетия.

В качестве такой системы рассматривается проект «Московское долголетие», который изначально существовал как отдельная программа по активизации москвичей 55+ [16]. Далее, в системе социальной защиты г. Москвы были открыты специализированные учреждения для активных представителей старшего возраста – Центры московского долголетия (ЦМД) [17]. В январе 2024 г. завершился важный этап консолидации ЦМД и программы «Московское долголетие». И сейчас это единое целое под общим названием «Московское долголетие».

На рис. 1 представлена структурно-функциональная модель экосистемы «Московское долголетие».

В связи с тем, что проект является государственным, структура системы включает в себя органы исполнительной власти, так как прямое или косвенное взаимодействие между элементами возможно на любом этапе процесса образования и развития данной системы посредством Центров московского долголетия, которые выступают в качестве инструмента реализации коммуникационных связей на каждом уровне. Принадлежность участника к проекту дает возможность высказывать свои пожелания и предложения, а также взаимодействовать с любым элементом экосистемы на любом уровне.

Для обеспечения бесперебойной работы Центров московского долголетия в структуру включен административно-управленческий аппарат, который снабжает Центры необходимыми материальными ценностями, развивает межведомственные коммуникационные связи для усиления инструментария (организация централизованных мероприятий, поиск новых партнеров в смежных сферах, тем самым увеличивая возможности для самореализации участников), создает внутреннюю нормативно-правовую базу для сотрудников и участников проекта. Исследуемая категория индивидов в процессе самоорганизации может взаимодействовать с административно-управленческим аппаратом и устанавливать с ним взаимосвязи в разрезе внесения предложений по улучшению инфраструктурного инструмента, на базе которого протекает их самоорганизованная деятельность. К целевой аудитории проекта относятся все представители, достигшие 55 лет. Их первое социальное взаимодействие происходит с администрацией Центра в лице сотрудников или руководителя. На этапе знакомства с потенциальным участником проекта главной задачей администрации является информирование и выявление основных потребностей представителя категории старшего возраста. Далее принимается самостоятельное решение: присоединиться к проекту и стать его полноценным членом или отказаться от участия.

Явный процесс проявления самоорганизации происходит при формировании клуба по интересам, который в конечном итоге является той самой автономной самоорганизованной системой активного долголетия.

На рис. 2 представлена динамика самоорганизации/жизненный цикл клуба по интересам. Авторы опирались на три последовательные стадии «динамики самоорганизации»: зарождение коллектива, затем его функционирование и развитие и универсальная стадия – высокий уровень развития коллектива, обеспечивающего все условия для самореализации его членов [18, с. 254].

Индивид, который сознательно решил стать участником проекта, делает выбор, в каком социальном статусе будет протекать его дальнейшее взаимодействие с другими элементами внутри системы: лидер клуба, участник клуба, инициатор мероприятия, участник проекта.

На первой стадии зарождения клуба происходит косвенное взаимодействие участников проекта и лидера клуба через посредника в лице администрации Центра. Перед сотрудником стоит задача налаживания коммуникации не знакомых друг другу людей с набором общих интересов, при этом одна сторона готова передавать опыт, а другая готова этот опыт и знания перенимать. На данной стадии наблюдаем две действующие стороны, тем самым мы возвращаемся к ранее изложенной теории системного подхода Т. Парсонса, в основе которой лежит намерение субъекта к действию.

Вторая стадия сопровождается возникновением взаимных ожиданий субъекта и объекта действия: лидер и участники клуба начинают взаимодействовать, причем обе стороны

одновременно выступают в качестве субъекта и объекта действия. На данном этапе выстраивается устойчивый алгоритм взаимодействия, основанный на совместно принятых моральных и нравственных нормах элементов системы.

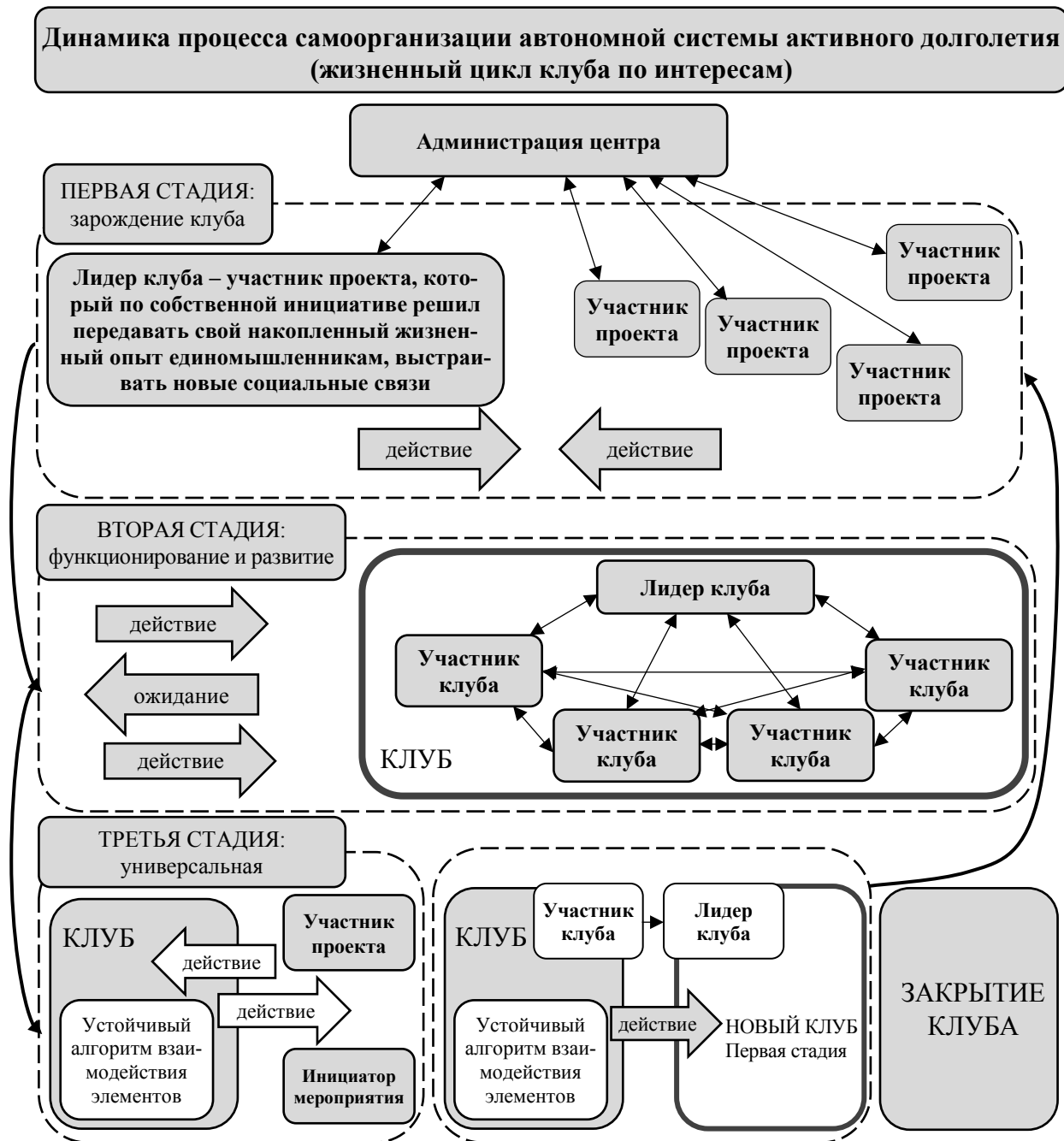

Рис. 2. Динамика самоорганизации клуба для старших в Центрах московского долголетия
Fig. 2. Dynamics of self-organization of the senior club in the Centers of Moscow longevity

Третья универсальная стадия динамики самоорганизации может сопровождаться тремя сценариями. Первый выражается в достижении высокого уровня согласования совместных действий лидера и участников клуба и формировании общей цели, которая выражается в дальнейшем экстенсивном (привлечение новых участников проекта в свой клуб)

или интенсивном (инициирование мероприятий районного, окружного или городского формата) развитии своего клуба. Ко второму сценарию авторы относят открытие нового клуба участником. Причин развития такого сценария может быть неограниченное множество, которое кроется в истинных мотивах индивида: рост собственных амбиций, перемена интереса, конфликты между участниками, расхождение во взглядах с большинством и т. д.

Третий сценарий динамики самоорганизации самый неблагоприятный – закрытие клуба. Данный процесс возникает при дисфункции элементов системы, которые описывал Роберт Мертон в теории структурно-функционального анализа. Дисфункции в системе ухудшают адаптацию или регулировку самой системы [19, с. 146].

Для проверки ранее выдвинутой гипотезы о самоорганизации активных представителей старшего возраста как системообразующем факторе «Московского долголетия» необходимо раскрыть содержание понятия «активное долголетие» и показать отношение старшего поколения к нему.

Западные коллеги придерживаются термина «active ageing», который дословно переводится как «активное старение» [20]. Чтобы показать, что в старшем возрасте можно вести активный образ жизни, зарубежные исследователи также используют понятие «успешное» [21, 22], «гармоничное» [23, 24], «продуктивное» [25, 26], «здоровое» [27, 28] старение.

В организационно-правовом поле на государственном уровне европейских стран используется термин «активное старение» [29, 30]. В 2002 г. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) интерпретировала активное старение как «процесс оптимизации возможностей в плане здоровья, участия и безопасности в целях повышения качества жизни по мере старения людей» [31].

В работах, показывающих, что активное старение – это не то же самое, что активное долголетие в восприятии пожилых, конкретизируется, что такое разделение характерно для стран постсоветского пространства [32–34]. Представителями старшего поколения «старение воспринимается как нечто негативное, конечное, как вызов самому себе, с которым нужно бороться, чтобы выжить <...> Исправить ситуацию призвана популяризация “активного долголетия”, которое ассоциируется с сохранением (здоровья, красоты, возможностей организма) и даже обновлением (“вторая молодость”) и воспринимается как будущее, новый горизонт жизни» [35, с. 85].

Н. В. Реутов связывает активное долголетие с улучшением качества жизни, физическим, интеллектуальным и эмоциональным развитием, с расширением возможностей человека [36, с. 291]. Схожей точки зрения придерживается И. А. Григорьева, подчеркивая, что активная вовлеченность в жизнь общества, инициативность, самоорганизованность собственных действий расширяют возможности, в том числе и самообеспечения собственного существования пожилого человека [37].

Согласно Концепции политики активного долголетия, исследователи из НИУ ВШЭ определяют его как «состояние социального, экономического, физического и психологического благополучия граждан старшего поколения, которое обеспечивает им возможность для удовлетворения потребностей, включение в различные сферы жизни общества и достигается при их активном участии» [38].

Анализируя отечественные нормативно-правовые акты, в которых в ходу термин «активное долголетие», имеющий лишь косвенное определение, авторы делают вывод, что это

образ жизни человека, направленный на улучшение физического состояния организма и умственной активности с целью пролонгации трудоспособного возраста человека и удержание в социуме, как можно дольше [39, 40].

Методология и источники. Авторы провели инициативное исследование с лидерами клубов Центров московского долголетия. Напомним, что инициатива создания клуба исходит от самих москвичей старшего возраста. ЦМД выступают площадкой для реализации: предоставляют помещение и необходимое оборудование.

Москва состоит из 12 административных округов, в которые входят 125 районов. По данным на январь 2024 г. в столице уже функционирует 121 Центр московского долголетия.

Поскольку исследование проводилось в период реформирования – объединения проекта «Московское долголетие» и Центров Московского долголетия в единую экосистему «Московское долголетие», исследовательские возможности позволили охватить только два административных округа столицы: Центральный и Юго-Западный.

Опрос проводился в январе 2024 г. Все респонденты заполняли анкету онлайн в Yandex Forms. Инструментарий включал стандартные тематические блоки, позволяющие зафиксировать социально-демографические данные респондентов, оценить особенности проживания и материальное положение опрошенных. Плавный переход к вопросам о самоорганизации обеспечивался за счет общих вопросов о предпочитаемых формах досуга и отдыха. Принадлежности к системе активного долголетия и клубной деятельности был посвящен отдельный раздел анкеты. Респонденты оценивали свое отношение к активному долголетию в целом и Центрам московского долголетия в частности. Изучались причины визитов в ЦМД и тематика клубов, которые посещают.

Для анализа лидерства в старшем возрасте как социального феномена собирались общие данные о том, когда исследуемые впервые ощутили себя лидерами, занимали ли руководящие посты в период профессиональной деятельности, нравилось ли заниматься организационной деятельностью.

Аспекты самоорганизации анализировались в контексте соотнесения себя как лидера с системой «Московского долголетия», быстроты принятия решения стать лидером клуба и изменений в жизни после этого, принадлежности к совету ассоциации лидеров клубов, готовности помогать потенциальным лидерам, а также взаимоотношений с участниками клуба.

Всего в исследовании приняли участие 203 лидера самоорганизованных клубов, из них 76 % женщин и 24 % мужчин. Минимальный возраст респондентов 55 лет, максимальный – 88 лет.

Результаты и обсуждение

Социально-демографические характеристики респондентов. К наиболее представленному возрастному диапазону можно отнести лидеров в возрасте от 61 до 65 лет. Эта группа составляет 30 % от общего количества опрошенных. Возрастная группа лидеров 66–70 лет – 23 %, 55–60 – 18 %, 71–75 лет – 17 %, представители старше 76 лет занимают 13 % в общей структуре респондентов.

Анализ уровня образования респондентов показал, что большая часть лидеров (80 %), имеет высокий уровень (высшее образование или ученую степень – 75 % и 5 % соответственно).

Выход на пенсию у большинства опрошенных ознаменовался окончанием трудовой деятельности – 83 % опрошенных лидеров не работают. Доля работающих пенсионеров составила 11 %, не отказываются от дополнительного заработка и продолжают трудовую деятельность на нерегулярной основе 6 %.

При анализе профессиональной деятельности респондентов можно сделать вывод о разностороннем распределении участников по отраслевому признаку. Сфера образования является доминирующей по сравнению с остальными, в ней были задействованы 18 % лидеров, далее культура – 11 %, промышленность – 7 %, наука, здравоохранение и государственная служба – по 6 % соответственно, 5 % и меньше – строительство, торговля, связь, военная служба, транспорт и др. Данное структурное разнообразие в отраслевой профессиональной деятельности может свидетельствовать о разностороннем наборе увлечений и опыте участников проекта.

При анализе семейного положения опрошенных выяснилось, что 96 % имеют близких родственников (дети, супруг). В законных брачных отношениях состоят 43 % респондентов, вдовствуют 23 % опрошенных, в разводе – 21 %. Никогда не состояли в браке – 8 %, совместно проживают без статуса супругов – 5 % от общего количества опрошенных.

Условия проживания и оценка материального положения. Практически в равных долях распределились ответы респондентов об условиях проживания: проживает один (одна) – 34 %, с родственниками (детьми, внуками, правнуками) – 32 %, с супругом(ой) (сожителем) – 34 %.

В Юго-Западном и Центральном административных округах функционирует по 11 ЦМД. Согласно концепции проекта, любой участник может посещать любой из открытых центров в Москве одновременно по принципу экстерриториальности. Пространственное распределение опрошенных по округам столицы подтверждает работу принципа экстерриториальности проекта – 26 % респондентов проживают в других округах Москвы (Северный, Северо-Восточный, Восточный, Юго-Восточный, Южный, Северо-Западный и Зеленоградский), но при этом ведут клубную деятельность в Юго-Западном или Центральном административных округах. Согласно принципу доступности, каждый участник посещает ближайший Центр московского долголетия, расположенный в транспортной доступности от места проживания пенсионера. Принцип доступности подтверждается активной клубной деятельностью лидеров ЮЗАО в своем районе или соседних внутри округа, где расположен ближайший из 11 центров, такая же тенденция наблюдается в ЦАО, где живут лидеры, ведущие клубную деятельность в 11 ЦМД Центрального округа.

Большая часть опрошенных (98 %) проживают изолировано от соседей в однокомнатной (10 %), двухкомнатной (54 %), трехкомнатной (27 %), четырехкомнатной (и более) квартире (6 %), в частном доме (1 %). Лишь 2 % опрошенных делят бытовые удобства с соседями в коммунальной квартире.

Удовлетворены имеющимся доходом 42 % опрошенных (по совокупности ответов респондентов «полностью устраивает» и «скорее устраивает», разделившихся в равном соотношении). Ситуационно уровень получаемого дохода устраивает 31 % опрошенных, недовольны финансовой ситуацией 27 % от общего количества опрошенных.

Каждый 4-й опрошенный (25 %) отметил улучшение материального положения за предшествующий опросу год, при этом 33 % участников опроса считают, что их финансовые

возможности ухудшилось. Неизменным, по сравнению с предыдущим годом, свое материальное положение считают 42 % респондентов.

Субъективные оценки собственной значимости. На рис. 3 представлены данные по ответам респондентов на заранее заданные суждения о востребованности и нужности старшего поколения. Полученные ответы демонстрируют положительные результаты: большинство опрошенных (73 %) считает себя нужными государству, 80 % отметили бесценность и бесспорную значимость собственного накопленного жизненного опыта, который уважают. Выход на пенсию для 87 % респондентов – это не конец жизни, а напротив – новые возможности.

Рис. 3. Оценка суждений о жизни, опыте и уважении пожилых
Fig. 3. Assessment of judgments about the life, experience and respect of the elderly

Восприятие «активного долголетия». В табл. 2 представлены ответы респондентов относительно определения «активное долголетие». Варианты ответов на данный вопрос были озвучены информантами самостоятельно в ходе качественного исследования, проведенного одним из авторов статьи методом глубинного интервью в 2020 г. [41] и, соответственно, предложены для использования в рамках проведения данного количественного исследования в 2024 г. Участники опроса могли выбрать несколько вариантов.

Таблица 2. Восприятие респондентами понятия «активное долголетие»
Table 2. Respondents' perception of the concept of “Active longevity”

№ п/п	Вариант ответа	%, от общего количества опрошенных
1	Доступность того, что нравится делать	56
2	Получение удовольствия от жизни	56
3	Полезность для других	51
4	Развитие интеллектуальных способностей	50
5	Поддержание физических возможностей	48
6	Постоянное обучение	40
7	Жажда жизни	32
8	Уважение к возрасту и достижениям	27
9	Работоспособность	26
10	Стабильность и устойчивость жизни	24
11	Начало новой жизни	22

К наиболее распространенным ответам можно отнести: «доступность того, что нравится делать» (56 %), «получение удовольствия от жизни» (56 %), «полезность для других» (51 %). Полученные ответы подтверждают научную обоснованность и интерпретацию данного термина в трудах рассмотренных выше авторов Т. С. Киенко и Н. В. Реутова. Респонденты также считают, что активное долголетие заключается в поддержании интеллектуальных и физических возможностей. Такое распределение ответов относительно «активного долголетия» соотносится с нормативно-правовыми актами нашей страны, определения которых содержат в себе схожую смысловую интерпретацию, и с тематикой самоорганизованных клубов.

Отдых и досуг в ЦМД. При переходе к оценке отношения участников исследования к проекту «Центры московского долголетия» и лидерству респондентам задавался вопрос об их предпочтениях в организации досуговой деятельности. Наиболее популярными ответами стали: посещение мероприятий и клубных встреч Центров (75 %), хобби (54 %), общение с друзьями (51 %), чтение (44 %),

Ответы участников демонстрируют желание приходить в ЦМД, потребность в коммуникации, получении информации и готовность заниматься любимым делом.

Способность к самоорганизации в системе «Московское долголетие». На вопрос «В каком возрасте Вы ощутили себя лидером?» 30 % опрошенных отметили, что почувствовали себя лидером в период профессиональной деятельности. При этом 25 % опрошенных сказали, что ощутили в себе лидерские качества благодаря проекту, в момент принятия самостоятельного решения передавать опыт другим единомышленникам, а это каждый 4-й опрошенный. У 24 % респондентов лидерские качества начали проявляться в юношеском возрасте, прирожденными лидерами с детского возраста ощущают себя 21 % от общего количество опрошенных.

Профессиональные достижения в прошлом только в половине случаев определяют лидерские возможности и потенциал участников в данный момент жизни (по материалам исследования, 53 % опрошенных занимали руководящие посты в период трудовой деятельности). Однако наличие/отсутствие опыта работы на руководящих должностях может влиять на принятие решений в настоящем. Не все респонденты сразу согласились взять на себя роль лидера: 39 % понадобилось время, чтобы оценить свои способности, остальные (61 %) приняли предложение без дополнительных раздумий.

Намеренно организовывать и инициировать деятельность вокруг себя и получать от этого удовольствие способны 79 % опрошенных, оставшиеся лидеры (21 %) нейтрально относятся к организационной деятельности.

Все клубы условно поделены на три тематических блока. Наибольшей популярностью пользуются направления ЗОЖ и творчество – 42 и 41 % соответственно. Активности, связанные с интеллектуальной деятельностью, интересуют 17 % опрошенных.

Тематика клубов, которые ведут респонденты (один лидер может вести несколько клубов по разным направлениям), распределилась в похожем соотношении: фактически по направлениям здорового образа жизни и творчества клубную деятельность ведут 44 и 46 % лидеров соответственно, интеллектуальному развитию посвящены 22 %.

Системная принадлежность лидеров клубов ЦМД. Деятельность Центров московского долголетия заключается в предоставлении возможностей всем желающим категории 55+ не просто приходить и заниматься тем, что нравится, но и организовывать собственные мероприятия и клубы по интересам. Таким образом, лидер инициирует и поддерживает создание самой системы центров, является ее неотъемлемой частью, координирует взаимодействие элементов.

Респондентам задавался прямой вопрос, ответ на который определял субъективную оценку лидеров принадлежности к системе: 72 % от общего количества опрошенных подтвердили, что считают себя частью большой системы под названием «Московское долголетие», 25 % склонны так думать, ответив на вопрос «скорее “да”, чем “нет”», 1 % не уверены, что принадлежат к данной системе, и еще 1 % опрошенных отрицает свою принадлежность к системе.

По мнению участников опроса, лидер клуба – это самостоятельная единица, способная организовать вокруг себя собственную систему (40 % опрошенных), или важная часть системы активного долголетия (52 % респондентов). Индивидуализм и отрешенность от системной принадлежности идентифицированы только у 8 % участников опроса.

Положительным следствием и дополнительным доказательством самоорганизации системы можно считать факт коммуникации элементов между собой вне Центров московского долголетия. 70 % лидеров общаются с участниками как в Центре, так и за его пределами. С другой стороны, Центры московского долголетия выступают в качестве товарищеской среды для поддержания жизненного цикла существования системы (25 %). Формальный подход во взаимодействии элементов наблюдается у 5 % от общего количества опрошенных.

Выдвигать идеи и заниматься развитием экосистемы «Московское долголетие» в разрезе клубной деятельности пока не готовы 62 % опрошенных, при этом 27 % респондентов уже входят в районные советы лидеров, которые готовы принимать решения по организации районных мероприятий.

Взять на себя роль наставника и побуждать к действиям потенциальных руководителей без раздумий готовы 47 % лидеров клубов; примерить на себя данную роль и попробовать свои силы в наставничестве выразили желание 37 % опрошенных; не разделяющих идею наставничества – 14 %; наотрез отказавшихся – 1 % от общего количества опрошенных действующих лидеров.

Заключение. Досуговая деятельность и социальная активность пожилых все чаще становится объектом социологических исследований. Данный тренд обусловлен ростом численности представителей старшего поколения в связи с увеличением продолжительности жизни и, соответственно, необходимостью вовлекать данную социальную группу в общественную жизнь. Этому способствует развитие здравоохранения и городской инфраструктуры, социальной сферы и государственных программ.

Но государственная поддержка людей старшего возраста, особенно в Москве, часто критикуется за распространение иждивенческого подхода к социальным услугам. Программа «Московское долголетие» была выстроена на предоставлении бесплатных занятий пожилым за счет привлечения и оплаты работы поставщиков услуг. Процедура сбора документов для такой работы достаточно трудоемка. Центры московского долголетия работают

по иному принципу. Любой представитель старшего возраста может обратиться в ЦМД, чтобы организовать свой клуб и оказывать услуги таким же пенсионерам, только на безоплатной основе, но зато с минимальным количеством документов. Данный проект выступает в качестве инструмента для старшего поколения в процессе самоорганизации собственной деятельности для достижения определенных индивидуальных целей, сопряженных с личностными мотивами. Такая форма самоорганизации пожилых является достаточно новой и по масштабу (централизованно на уровне города), и по цели (создание сообщества пожилых людей за счет их собственных усилий и мотивации).

Экосистему «Московское долголетие» авторы определили как систему макроуровня, в которую включен элемент микроуровня – клубная деятельность. Это та самая автономная самоорганизованная система, состоящая из активных представителей возрастной категории старше 55 лет.

Жизненный цикл клуба как система проходит три стадии самоорганизации. На начальном этапе зарождения в систему приходит лидер клуба, а затем присоединяются участники. После этого на стадии формирования она начинает функционировать и развиваться путем соблюдения определенных правил, как выстроенных самостоятельно, так и полученных извне. Универсальная стадия выражается в качественном и/или количественном росте элементов данной системы. По данным на январь 2024 г. в ЦМД уже более 5 тыс. самоорганизованных клубов по интересам. Количество клубов и тематическое разнообразие с каждым годом увеличивается именно благодаря стараниям москвичей старшего возраста.

Отталкиваясь от системного подхода Т. Парсонса, в соответствии с полученными результатами, необходимо отметить, что в основании образования системы лежит именно самоорганизованное действие лидера клуба, подкрепленное индивидуальными мотивами для достижения статуса активного долголетья. Центральная фигура, в которой сосредоточено ядро самоорганизованной системы, – лидеры проекта. По результатам проведенного исследования прирожденными лидерами с детского возраста считают себя 21 % опрошенных, остальные раскрыли свой лидерский потенциал в течение жизни: в период юности – 24 %, на этапе профессиональной деятельности – 30 %, благодаря проекту «Московское долголетие», в момент принятия решения передавать знания и опыт другим – 25 %.

Абсолютное большинство респондентов выразили принадлежность к большой системе «Московское долголетие» (97 %). О том, что лидер клуба – это самодостаточная единица, способная организовать вокруг себя собственную систему, высказались 40 % опрошенных. Лидеры также ощущают себя значимой составляющей системы активного долголетия (52 %), способной аккумулировать вокруг себя подобные элементы (активных участников) и создавать собственную микросистему (клуб по интересам), которая будет функционировать и развиваться в соответствии с динамикой самоорганизационных процессов и жизненного цикла системы клуба, рассмотренной ранее.

Достижение цели, выраженной в поддержании активного долголетия, подтверждается собственными наблюдениями лидеров об их жизни после создания своего клуба: появились дополнительные коммуникации, уверенность в себе, возможность в реализации собственных идей и насыщенность жизни. Это составляет основу определения «активное долголетие» в понимании и интерпретации старших. «Доступность занятий» и «получение удоволь-

ствия от жизни» – одни из главных принципов функционирования ЦМД и индикаторов активного долголетия, озвученных респондентами (по 56 % соответственно). Намеренно организовывать и инициировать деятельность вокруг себя и при этом получать от этого удовольствие способны 79 % опрошенных.

Положительным следствием и дополнительным доказательством самоорганизации системы можно считать факт коммуникации элементов между собой вне Центров московского долголетия: 70 % лидеров общаются с участниками как в ЦМД, так и за его пределами.

Центры московского долголетия также выступают в качестве товарищеской среды для поддержания жизненного цикла существования системы. Взять на себя роль наставника и побуждать к действиям потенциальных лидеров готовы 84 % респондентов.

Жизнеспособность системы «Московское долголетие» подтверждается и ее развитием. В 2022 г. было принято решение о создании ассоциации лидеров клубов. По данным опроса, 27 % респондентов уже входят в районные советы лидеров, которые готовы принимать решения по организации районных мероприятий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ashby W. Principles of the self-organizing dynamic system // The J. of general psychology. 1947. Vol. 37, iss. 2. P. 125–128. DOI: 10.1080/00221309.1947.9918144.
2. Осинцева Л. М. Проблемы самоорганизации у обучающихся в Барнаульском юридическом институте МВД России // Полицейская деятельность. 2022. № 6. С. 62–70. DOI: 10.7256/2454-0692.2022.6.38862.
3. Бронникова Е. М. Самоорганизация менеджеров как инструмент повышения личной эффективности в индустрии гостеприимства // Сервис в России и за рубежом. 2013. № 6 (44). С. 97–104.
4. Богомаз С. А. Типологические особенности самоорганизации деятельности // Вестн. Том. гос. ун-та. 2011. № 344. С. 163–166.
5. Виноградский В. Г., Виноградская О. Я. Феномен самоорганизации сельского населения: принципы и перспективы исследования // Вестн. РУДН. Сер. Социология. 2023. Т. 23, № 2. С. 355–367. DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-2-355-367.
6. Ахромеева Т. С., Малинецкий Г. Г., Посашков С. А. Новый взгляд на самоорганизацию в некоторых социальных системах // Социол. исслед. 2014. № 5. С. 3–15.
7. Иванова Т. С. Социальная самоорганизация молодежи: к постановке проблемы исследования // Власть и управление на Востоке России. 2007. № 4 (41). С. 215–219.
8. Леонов А. В., Пронин А. Ю. Принципы самоорганизации в разработке и реализации государственных программ // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. Т. 12, № 7 (340). С. 36–53.
9. Зубок Ю. А. Молодежь: жизненные стратегии в новой реальности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 4–12. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1688.
10. Маюрова А. А., Лавренова Т. И. Самоорганизация пожилых людей в современном обществе как способ адаптации // Вестн. Пенз. гос. ун-та. 2016. № 4 (16). С. 29–32.
11. Киенко Т. С., Певная М. В., Птицына Н. А. Практики самоорганизации и социальной активности россиян старшего возраста как расширяющие возможности ("empowerment") технологии // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2022. № 1 (65). С. 89–98. DOI: 10.52452/18115942_2022_1_89.
12. Fuchs C. The self-organization of social movements // Systemic practice and action research. 2006. Vol. 19. P. 101–137.

13. Kelso J. Self-organizing dynamical systems // International encyclopedia of the social & behavioral sciences / N. Smelser and P. Baltes (eds.). Oxford: Elsevier, 2001. P. 13844–13850. DOI: 10.1016/B0-08-043076-7/00568-4.
14. Hejl P. Towards a theory of social systems: Self-organization and self-maintenance, self-reference and syn-reference // Self-organization and management of social systems. Insights, promises, doubts, and questions / H. Ulrich (ed.). Berlin, Heidelberg, NY: Springer, 1984. P. 60–78.
15. Парсонс Т. О социальных системах / пер. с англ. Е. Молодцовой и др.; под ред. В. Ф. Чесноковой, С. А. Белановского. М.: Академический Проект, 2002.
16. Постановление Правительства Москвы от 13.02.2018 г. «О проведении в городе Москве пилотного проекта по расширению возможностей участия граждан старшего поколения в культурных, образовательных, физкультурных, оздоровительных и иных досуговых мероприятиях» // Консультант Плюс. URL: [https://www.mos.ru/upload/documents/docs/63-PP\(4\).pdf](https://www.mos.ru/upload/documents/docs/63-PP(4).pdf) (дата обращения: 01.02.2024).
17. Постановление Правительства Москвы от 18.12.2018 г. «О реализации в городе Москве проекта «Московское долголетие» // Консультант Плюс. URL: [https://www.mos.ru/upload/documents/docs/d_663779044\(1\).pdf](https://www.mos.ru/upload/documents/docs/d_663779044(1).pdf) (дата обращения: 01.02.2024).
18. Швецова В. А. Динамика и взаимосвязь индивидуальной и коллективной самоорганизации студентов в процессе обучения // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9, № 2 (2), С. 254–258. DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-2/2-254-258.
19. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / пер. с англ. Е. Н. Егоровой, З. В. Кагановой, В. Г. Николаева, Е. Р. Черемиссиновой. М.: АСТ: Хранитель, 2006.
20. Kalache A., Gatti A. Active ageing: a policy framework // Advances in gerontology. 2003. № 11. P. 7–18. DOI: 10.1080/713604647.
21. Havighurst, R. Successful aging // The Gerontologist. 1961. № 1. P. 8–13. DOI: 10.1093/geront/1.1.8.
22. Franklin N., Tate C. Lifestyle and successful aging: an overview // American J. of Lifestyle Medicine. 2009. Vol. 3, iss. 1. P. 6–11. DOI: 10.1177/1559827608326125.
23. Bhusal D. The Honor of later life: active aging subjective concern and formal adaptive environment in Nepal // J. of gerontology & geriatric research. 2020. Vol. 9, iss. 3. P. 1–4. DOI: 10.35248/2167-7182.20.9.515.
24. Liang J., Luo B. Toward a discourse shift in social gerontology: from successful aging to harmonious aging // J. of Aging Studies. 2012. Vol. 26, iss. 3. P. 327–334. DOI: 10.1016/j.jaging.2012.03.001.
25. Bass S. A., Caro F. G., Chen Y.-P. Achieving a productive aging society. Westport, Conn.: Auburn House, 1993.
26. Dommaraju P., Wong S. The concept of productive aging / Assessments, treatments and modeling in aging and neurological disease / C. Martin, V. Preedy (eds.). P. 3–11. London: Academic Press, 2021. DOI: 10.1016/b978-0-12-818000-6.00001-9.
27. Kalache A., Kickbusch I. A global strategy for healthy ageing // World Health. 1997. Vol. 50, iss. 4. P. 4–5.
28. Marina L., Ionas L. Active ageing and successful ageing as explicative models of positive evolutions to elderly people // Scientific Annals of Alexandru Ioan Cuza University of Iasi. Sociology and Social Work. 2012. Vol. 5, no. 1. P. 79–91.
29. Tymowski Ja. European year for active ageing and solidarity between generations // European Parliamentary Research Service, 2012. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2015/536344/EPRS_IDA\(2015\)536344_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2015/536344/EPRS_IDA(2015)536344_EN.pdf) (дата обращения: 29.02.2024).
30. Live longer, work longer // OECD. Paris: OECD Publications, 2006. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/employment/live-longer-work-longer_9789264035881-en#page4 (дата обращения: 29.02.2024).
31. Active aging: a policy framework // WHO. Geneva, 2002. URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/67215/WHO_NMH_NPH_02.8.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 29.02.2024).

32. Григорьева И. А., Богданова Е. А. Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19 // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2020. Т. 12, № 2. С. 187–211. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211.
33. Калачикова О. Н., Короленко А. В., Нацун Л. Н. Теоретико-методологические основы исследования активного долголетия // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2023. № 1. С. 20–45. DOI: 10.14515/monitoring.2023.1.2209.
34. Sidorenko A., Zaidi A. Active ageing in Cis countries: semantics, challenges, and responses // *Current Gerontology and Geriatrics Research*. 2013. Vol. 2013, iss. 1. P. 1–17. DOI: 10.1155/2013/261819.
35. Корнилова М. В. «Активное долголетие»: поиск ответов на новые вызовы (на примере программы «Московское долголетие») // *Дискурс*. 2023. Т. 9, № 6. С. 74–89. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-6-74-89.
36. Реутов Н. В. Государственная политика и практика обеспечения активного долголетия // *Вестн. Университета*. 2015. № 13. С. 291–293.
37. Григорьева И. А. Расширение возможностей (empowerment) людей старшего возраста в практиках самоорганизации и активности / отв. ред. Т. С. Киенко. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2022. 302 с.: рецензия // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2023. Т. 26, № 3. С. 251–257. DOI: 10.31119/jssa.2023.26.3.10.
38. Концепция политики активного долголетия: науч.-методол. доклад к XXI апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества / под ред. Л. Н. Овчаровой, М. А. Морозовой, О. В. Синявской. М.: Изд. дом ВШЭ, 2020.
39. Распоряжение Правительства России от 05.02.2016 г. №164-р «Стратегия действий в интересах граждан пожилого возраста до 2025 года» // *Гарант.ру*. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71222816/?ysclid=lswzu0ouey774884964> (дата обращения: 13.01.2024).
40. Паспорт федерального проекта «Разработка и реализация программы системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения» // *Минтруд России*. 2019. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography/> (дата обращения: 13.01.2024).
41. Корнилова М. В. Особенности восприятия активного долголетия старшим поколением // *Социальное время*. 2023. № 3 (35). С. 86–102. DOI: 10.25686/2410-0773.2023.3.86.

Информация об авторах.

Козачок Дарья Павловна – руководитель структурного подразделения Центр московского долголетия «Академический», ул. Профсоюзная, д. 13/12, Москва, 117218, Россия. Сфера научных интересов: социология, «серебряное» волонтерство, организация досуговой деятельности пожилых людей.

Корнилова Марина Валерьевна – кандидат социологических наук (2012), старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, Москва, 117218, Россия. Автор более 60 научных публикаций. Сфера научных интересов: активное долголетие, качество жизни, социальная защита и социальные риски пожилых.

Каменских Владимир Николаевич – старший преподаватель кафедры общественно-социальных институтов и социальной работы Российского государственного социального университета, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1, Москва, 129226, Россия. Сфера научных интересов: психология, социальная работа и пожилые люди.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 23.04.2024; принята после рецензирования 29.05.2024; опубликована онлайн 23.12.2024.*

REFERENCES

1. Ashby, W. (1947), "Principles of the self-organizing dynamic system", *The J. of general psychology*, vol. 37, iss. 2, pp. 125–128. DOI: 10.1080/00221309.1947.9918144.
2. Osintseva, L.M. (2022), "Problems of self-organization among students at the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia", *Police activity*, no. 6, pp. 62–70. DOI: 10.7256/2454-0692.2022.6.38862.
3. Bronnikova, E.M. (2013), "Self- organization as the tool for achieving goals for managers of the hospitality industry", *Service in Russia and Abroad*, no. 6 (44), pp. 97–104.
4. Bogomaz, S.A. (2011), "Typological features of self-organization of activity", *Tomsk State Univ. J.*, no. 344, pp. 163–166.
5. Vinogradsky, V.G. and Vinogradskaya, O.Ya. (2023), "The phenomenon of self-organization of the rural population: principles and prospects for research", *RUDN J. of Sociology*, vol. 23, no. 2, pp. 355–367. DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-2-355-367.
6. Akhromeeva, T.S., Malinetskiy, G.G. and Posashkov, S.A. (2014), "A new perspective on self-organization in social systems", *Sociological Research*, no. 5, pp. 3–15.
7. Ivanova, T.S. (2007), "Social self-organization of the youth: approach to research problem", *Power and Administration in the East of Russia*, no. 4 (41), pp. 215–219.
8. Leonov, A.V. and Pronin, A.Yu. (2016), "Principles of self-organization in the development and implementation of government programs", *National Interests: priorities and security*, vol. 12, no. 7 (340), pp. 36–53.
9. Zubok, Yu.A. (2020), "Youth: life strategies in the new reality", *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, no. 3, pp. 4–12. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1688.
10. Mayurova, A.A. and Lavrenova, T.I. (2016), "Self-organization of older people in modern society as a way of adaptation", *Vestnik of Penza State Univ.*, no. 4 (16), pp. 29–32.
11. Kienko, T.S., Pevnaya, M.V. and Ptitsyna, N.A. (2022), "Practices of self-organization and social activity of older Russians as empowering technologies", *Vestnik of Lobachevsky State Univ. of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*, no. 1 (65), pp. 89–98. DOI: 10.52452/18115942_2022_1_89.
12. Fuchs, C. (2006), "The self-organization of social movements", *Systemic practice and action research*, no. 19, pp. 101–137.
13. Kelso, J. (2001), "Self-organizing dynamical systems", *International encyclopedia of the social & behavioral sciences*, in Smelser, N. and Baltes, P. (eds.), Elsevier, Oxford, UK, pp. 13844–13850. DOI: 10.1016/B0-08-043076-7/00568-4.
14. Hejl, P. (1984), "Towards a theory of social systems: self-organization and self-maintenance, self-reference and syn-reference", *Self-organization and management of social systems. Insights, promises, doubts, and questions*, in Ulrich, H. (ed.), Springer, Berlin, Heidelberg, NY, GER, pp. 60–78.
15. Parsons, T. (2002), *On Social Systems*, Transl. by Molodskova, E. et al., in Chesnokova, V.F. and Belanovsky, S.A. (eds.), Akademicheskii Proekt, Moscow, RUS.
16. "Decree of the Government of Moscow dated February 13, 2018 "On holding a pilot project in Moscow to expand opportunities for the participation of older citizens in cultural, educational, physical culture, recreational and other leisure activities"", *Consultant Plus*, available at: [https://www.mos.ru/upload/documents/docs/63-PP\(4\).pdf](https://www.mos.ru/upload/documents/docs/63-PP(4).pdf) (accessed 01.02.2024).
17. "Decree of the Government of Moscow dated December 18, 2018 "On the Implementation of the Moscow Longevity Project in the City of Moscow"", *Consultant Plus*, available at: [https://www.mos.ru/upload/documents/docs/d_663779044\(1\).pdf](https://www.mos.ru/upload/documents/docs/d_663779044(1).pdf) (accessed 01.02.2024).
18. Shvetsova, V.A. (2017), "Dynamics and interrelation of individual and collective self-organization of students in the in the process of training", *Historical and Social Educational Idea*, vol. 9, no. 2 (2), pp. 254–258. DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-2/2-254-258.
19. Merton, R. (2006), *Social Theory and Social Structure*, Transl. by Egorova, E.H., Kaganova, Z.V., Nikolaev, V.G. and Cheremissina, E.R., Moscow, AST: AST Moscow: Khranitel', RUS.

20. Kalache, A. and Gatti, A. (2003), "Active ageing: a policy framework", *Advances in gerontology*, no. 11, pp. 7–18. DOI: 10.1080/713604647.
21. Havighurst, R. (1961), "Successful aging", *The Gerontologist*, no. 1, pp. 8–13. DOI: 10.1093/geront/1.1.8.
22. Franklin, N. and Tate, C. (2009), "Lifestyle and successful aging: an overview", *American J. of Lifestyle Medicine*, vol. 3, iss. 1, pp. 6–11. DOI: 10.1177/1559827608326125.
23. Bhusal, D. (2020), "The honor of later life: Active aging subjective concern and formal adaptive environment in Nepal", *J. of gerontology & geriatric research*, vol. 9, iss. 3, pp. 1–4. DOI: 10.35248/2167-7182.20.9.515.
24. Liang, J. and Luo, B. (2012), "Toward a discourse shift in social gerontology: from successful aging to harmonious aging", *J. of Aging Studies*, vol. 26, iss. 3, pp. 327–334. DOI: 10.1016/j.jaging.2012.03.001.
25. Bass, S.A., Caro, F.G. and Chen, Y.-P. (1993), *Achieving a productive aging society*, Auburn House, Westport, Conn., USA.
26. Dommaraju, P. and Wong, S. (2021), "The concept of productive aging", *Assessments, treatments and modeling in aging and neurological disease*, in Martin, C. and Preedy, V. (eds.), pp. 3–11. Academic Press, London, UK. DOI: 10.1016/b978-0-12-818000-6.00001-9.
27. Kalache, A. and Kickbusch, I. (1997), "A global strategy for healthy ageing", *World Health*, vol. 50, iss. 4, pp. 4–5.
28. Marina, L. and Ionas, L. (2012), "Active ageing and successful ageing as explicative models of positive evolutions to elderly people", *Scientific Annals of Alexandru Ioan Cuza University of Iasi. Sociology and Social Work*, vol. 5, no. 1, pp. 79–91.
29. Tymowski, Ja. (2012), "European year for active ageing and solidarity between generations", *European Parliamentary Research Service*, available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2015/536344/EPRS_IDA\(2015\)536344_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2015/536344/EPRS_IDA(2015)536344_EN.pdf) (accessed 29.02.2024).
30. "Live Longer, Work Longer" (2006), *OECD*, Paris, OECD Publications, FRA, available at: https://read.oecd-ilibrary.org/employment/live-longer-work-longer_9789264035881-en#page4 (accessed 29.02.2024).
31. "Active aging: a policy framework" (2002), *WHO*, Geneva, SWZ, available at: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/67215/WHO_NMH_NPH_02.8.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed 29.02.2024).
32. Grigoryeva, I.A. and Bogdanova, E.A. (2020), "The concept of active aging in Europe and Russia in the face of the COVID-19 pandemic", *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, vol.12, no. 2, pp. 187–211. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211.
33. Kalachikova, O.N., Korolenko, A.V., Natsun, L.N. (2023), "Theoretical and Methodological Foundations of Active Longevity Research", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 1, pp. 20–45. DOI: 10.14515/monitoring.2023.1.2209.
34. Sidorenko, A. and Zaidi, A. (2013), "Active ageing in Cis Countries: Semantics, Challenges, and Responses", *Current Gerontology and Geriatrics Research*, vol. 2013, iss. 1, pp. 1–17. DOI: 10.1155/2013/261819.
35. Kornilova, M.V. (2023), ""Active longevity": searching for answers to new challenges (using the example of the "Moscow Longevity" program), *DISCOURSE*, vol. 9, no. 6, pp. 74–89. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-6-74-89.
36. Reutov, N.V. (2015), "State policy and practice of ensuring active aging", *Vestnik universiteta*, no. 13, pp. 291–293.
37. Grigoryeva, I.A. (2023), "Book review: Empowerment of older people in self-organization and activity practices (2022); Kienko, T.S. (ed.), Rostov-on-Don: Foundation for Science and Education. 302 p.", *The J. of Sociology and Social Anthropology*, vol. 26, no. 3, pp. 251–257. DOI:10.31119/jssa.2023.26.3.10.
38. "The concept of active longevity policy: scientific and methodological report for April 21. Intern. Sci. conf. on problems of economic and social development" (2020), in Ovcharova, L.N.,

Morozova, M.A. and Sinyavskaya, O.V. (eds.), Publishing house of the Higher School of Economics, Moscow, RUS.

39. "Order of the Government of Russia dated February 5, 2016 "Strategy of action in the interests of older citizens until 2025"" (2016), *Garant.ru*, available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71222816/?ysclid=lswzu0ouey774884964> (accessed 13.01.2024).

40. "Passport of the federal project "Development and implementation of a program for systemic support and improving the quality of life of older citizens" (2019), *Ministry of Labor of Russia*, available at: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography/> (accessed 13.01.2024).

41. Kornilova, M.V. (2023), "Active longevity features of perception by the older generation", *SocioTime*, no. 3 (35), pp. 86–102. DOI: 10.25686/2410-0773.2023.3.86.

Information about the authors.

Daria P. Kozachok – Head of structural subdivision Center of Moscow Longevity "Academic", 13/12 Profsoyuznaya str., Moscow 117218, Russia. Area of expertise: sociology, "silver" volunteering, leisure activities for the elderly.

Marina V. Kornilova – Can. Sci. (Sociology, 2012), Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, 24/35, bldg 5, Krzhizhanovsky str., Moscow 117218, Russia. The author of more than 60 scientific publications. Area of expertise: active longevity, quality of life, social protection and social risks of the elderly.

Vladimir N. Kamenskih – Senior Lecturer at the Department of Public and Social Institutions and Social Work, Russian State Social University, 4, bldg. 1 Wilhelm Peak str., Moscow 129226, Russia. Area of expertise: psychology, social work and the elderly.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 23.04.2024; adopted after review 29.05.2024; published online 23.12.2024.*